

Д. А. КОСТРОМИЧЕВ

ДЕТАЛИ ОРУЖИЯ И ВОЕННОГО КОСТЮМА ИЗ «ЦИТАДЕЛИ» ХЕРСОНЕСА

Основой надежного соотнесения археологического памятника с местом дислокации римских воинских частей являются латинские надписи, специфические строительные остатки и находки деталей военного снаряжения. Мысль о том, что в т.н. «цитадели» Херсонеса располагался римский гарнизон, впервые была высказана более 60 лет назад В.Ф. Гайдукевичем [1, с. 306]. С тех пор она прочно утвердилась в научной литературе. Исследователи находят все новые подтверждения этой идеи и дополняют аргументацию анализом строительных остатков и многочисленными примерами обнаружения латинских надписей на камне и керамике. Между тем, такая категория надежных источников, как детали римского воинского снаряжения из херсонесской «цитадели», еще не становилась предметом специального рассмотрения.

За более чем столетнюю историю раскопок херсонесской «цитадели» было накоплено значительное количество археологического материала [2]. Среди этих находок есть и детали римского военного снаряжения, не привлекавшие к себе до сих пор должного внимания. В данной работе использованы доступные сейчас для исследования материалы из раскопок К.Э. Гриневича, В.В. Борисовой и И.А. Антоновой. Все представленные в работе материалы хранятся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический».

С территории «цитадели» происходят четыре **детали римского вооружения**. Это деталь ножен меча, фрагмент ножен кинжала и две детали шлемов.

1. *Бутероль ножен меча* (рис. 1, 1) [3; 4, с. 48, рис. 1,6]. Предмет был найден в 1992 г. в ходе раскопок поперечной улицы в центральной части «цитадели» [3, с. 122]. Бутероль относится к распространенной группе костяных наколочников ножен, имеющих прямоугольную форму, снабженных пельтавидными вырезами и средним ребром. Бутероли данного вида относятся к варианту 1 прямоугольных костяных бутеролей, по Карнап-Борнхейму [5, S. 353, Abb. 3,3].

Находки таких бутеролей известны в европейских провинциях империи: в Британии [6, fig. 90,10], Паннонии [7, p. 156, fig. 2,8,9], Дакии [8, S. 81, Abb. 29,19], Верхней Германии и Реции [9, S. 117, Nr. 148-159]. В местах стоянок римских гарнизонов в Северном Причерноморье были найдены близкие прямоугольные бутероли варианта 2, по К. Карнап-Борнхейму. Две бутероли происходят из Тиры [10, с. 250-252, рис. 1,1,2; 11, с. 120, 121, рис. 1,2] и одна из Ольвии [11, с. 121, 122, рис. 3,4].

Датируются подобные бутероли концом II – серединой III вв. [9, S. 123; 12, p. 260; 6, p. 126, 130, 135, fig. 90].

2. *Железные ножны кинжала* (рис. 1,2) (Инв. № 28221/3). Были обнаружены в 1928 г. К.Э. Гриневичем в ходе раскопок казарм римского гарнизона. Фрагмент железной обкладки ножен римского кинжала является уникальной находкой для Крыма. Сплошные пластины от ножен кинжалов, инкрустированные бронзой, серебром или эмалью, хорошо известны на территории империи (рис. 4). Пластины, украшенные изображениями, характерны для I в. н.э. Такие накладки состоят из плоской железной пластины, фиксировавшейся на деревянной или кожаной основе с помощью четырех групп заклепок, по две группы на каждой стороне ножен. Эти же заклепки служили для крепления четырех петель, с помощью которых кинжал подвешивался к поясу [13, S. 47-53; 14, p. 22].

В специальной работе, посвященной ножнам римских кинжалов, Ю. Обманн собрал находки 111 экземпляров подобных изделий. Он предложил разделить все ножны на два типа по форме корпуса и на пять групп на основе комбинаций художественных мотивов оформления [15, S. 6]. Херсонесский экземпляр можно отнести к типу «Виндонисса», отличающемуся узкими и вытянутыми пропорциями, в противоположность широким ножнам типа «Майнц». Ножны типа «Виндонисса» не встречаются ранее середины I в. н.э. [15, S. 8].

При большом разнообразии декоративных мотивов у подобного рода изделий, большинство экземпляров воспроизводит схему из четырех орнаментальных зон. Для этой схемы характерно совпадение изображений первой (верхней) и третьей зон. Эти зоны располагаются на уровне парных групп заклепок. Все три верхние зоны имеют прямоугольную или трапециевидную формы. Четвертая (нижняя) зона всегда треугольной формы. Несмотря на плохую сохранность херсонесской наклейки, хорошо видно, что зональное построение декора соответствует имперским образцам. Лучше всего сохранилась нижняя зона, на которой изображен геометрический мотив из диагонально направленных линий. Декор второй зоны сохранился плохо. Возможно, здесь была изображена эдикула. Первая и третья зоны заняты круглыми медальонами. Изображения в них видны неудовлетворительно. Нижний медальон, возможно, был портретным. Верхний медальон, вероятно, сохранил изображение венка.

У херсонесского изделия сохранилась только железная основа. Все вставки в нее утрачены. Судя по узким линиям, эти вставки представляли собой инкрустированную металлическую (бронзовую или серебряную) проволоку. Применение эмали маловероятно. Отсутствие эмали, плохое техническое исполнение, упрощенные орнаментальные мотивы – все это характерно для четвертой группы ножен, по Ю. Обманну [15, S. 9, 10]. Датируются экземпляры этой группы от середины I до начала II вв. н.э. [16, p. 175; 14, p. 22; 15, S. 10].

В зону распространения находок ножен этой группы входят Британия, Рейн и северные предгорья Альп [15, Taf. 68]. Самой восточной находкой не только ножен четвертой группы, но и декорированных ножен кинжалов вообще, до сих пор являлся экземпляр из дакийского укрепления Окница [17, Abb. 2,2].

При общем совпадении мотивов исполнение ножен кинжалов почти всегда было индивидуальным. Идентичных изделий нет, поэтому не удается выделить цеха или места производства. Каждая находка своеобразна в наборе художественных мотивов [15, S. 14]. Орнаментальным зонам херсонесского экземпляра можно найти соответствия у различных ножен с территории империи. Медальоны с изображением венка довольно распространены (рис. 4,6) [15, S. 11, Taf. 37]. Гораздо менее распространены портретные медальоны. До сих пор известен только один экземпляр из римско-германского центрального музея в Майнце [15, Taf. 11-13]. Характерным мотивом для четвертой группы накладок является заполнение полей изображения косыми диагональными насечками [15, S. 10]. Наиболее близкое исполнение нижней зоны демонстрируют ножны из Лугхора (Британия) [15, Taf. 3, GB18]. Вторая орнаментальная зона херсонесской находки сохранилась в наихудшей степени. Возможное наличие здесь изображения эдикулы реконструируется не столько немногочисленными остатками орнамента, сколько распространенным обычаем украшения эдикулой именно этой зоны у многочисленных экземпляров ножен с территории империи (рис. 4,2,3,5,6) [15, S. 11, Taf. 33,34].

Остается добавить, что, в отличие от ножен мечей этого же времени, орнаментальные мотивы, украшавшие ножны римских кинжалов, не несли в себе, по мнению Ю. Обманна, никакой политической или пропагандистской нагрузки. Мотивы оформления имеют общее средиземноморское происхождение [15, S. 11]. Употреблялись кинжалы скорее солдатами, чем офицерами, и были свойственны и для преторианской гвардии, и для легионов, и для вспомогательных войск [15, S. 21].

3. *Ручка от шлема* (рис. 1,3) [4, с. 49, рис. 2,20]. Была найдена И.А. Антоновой в 1992 г. при зачистках в районе римских терм. Ручка украшена изображением двух рыб, развернутых друг к другу. Дополнительной гравировкой по поверхности изделия выделены детали – рты, глаза, плавники и чешуя. Подобные изделия на территории Римской империи часто служили ручками для

подвешивания шлемов. Общим мотивом может считаться изображение на ручке двух рыб или дельфинов, держащих шар. Упрощенное изображение шара имеется и на херсонесском экземпляре. Такие ручки крепились к назатыльникам пехотных шлемов имперско-италийского типа, разновидности Н, по Х.Р. Робинсону [18, р. 73, 74], а также к шлемам вспомогательной кавалерии варианта Н [18, р. 89-102]. Датируются они концом II – началом III вв. [18, р. 74, 102].

4. *Заклепка от шлема* (рис. 1,4) (Инв. № 22/36685). Найдена в 1963 г. В.В. Борисовой в помещении «Е» казарм гарнизона. Такие заклепки конусовидной формы прикрепляли к бронзовым шлемам козырьки для защиты лба, а также усиливающие пластины. Точное соответствие местной заклепке было найдено в Ретийской крепости Abusina (Эйнинг) [19, S. 124, Taf. 29, C103]. Заклепка, вероятно, принадлежала шлему, подобному найденному в Хеддернхайме [18, pl. 273-276; 20, P. 25, fig. 4].

Еще более многочисленны находки **деталей военного костюма**. Среди них можно выделить десять поясных деталей и шесть римских фибул.

5. *Ажурный щиток пряжки с изображением двух животных* (рис. 1,5) [4, с. 59, рис. 6,1]. Происходит из раскопок казарм в 1928 г. Сложный орнамент изображает растительные побеги и двух животных, стоящих на задних лапах. Точные аналогии этому щитку неизвестны, но по ряду соображений пряжка может относиться к IV в. Сочетание шарнирного устройства и орнамента в ажурном прорезном стиле, а также значительная ширина щитка наиболее соответствуют традициям оформления пряжек позднеримского времени [см. напр.: 21, S. 18, Abb. 2,1,2]. На щитках пряжек IV в. изредка встречаются изображения животных, выполненные в той же технике [22, Abb. 19; 23, р. 56, fig. 3,1-4]. Учитывая то, что щиток был найден в месте стоянки римского гарнизона, можно предположить, что эта пряжка может быть связана с римлянами.

6. *Фрагмент шарнирной пряжки* (рис. 2,6) (Инв. № 29919). Найдена на территории римских казарм в 1928 г. Сохранилась ось пряжки с надетым на нее язычком и двумя фрагментами рамки. Передняя часть рамки утрачена. Очевидно, рамка имела прямоугольную форму. Вид изделия можно реконструировать по другой найденной в Херсонесе римской пряжке с вогнутыми сторонами рамки и выступами на углах [4, с. 51, рис. 3,1].

Пряжки такой формы находят при археологических раскопках римских лагерей, в основном на территории прирейнского и придунайского лимесов, а также в Британии, Испании, Дакии и Мезии [24, S. 99, 100; 6, р. 98, fig. 59,14; 25, Taf. 14,1190,1191; 23, р. 58, fig. 6,19-22; 26, S. 96, 97, Abb. 1,4,5; 27, s. 50, 53, tabl. I.9]. Различные варианты этих пряжек датируются временем Флавиев – Траяна [24, S. 99].

7. *Прямоугольная пряжка-рамка* (рис. 2,7) (Инв. № 15994). Была найдена при раскопках казарм в 1927 г. Серебряная пряжка прямоугольной формы со-

хранилась неполностью. Внешние грани пряжки слегка вогнуты. В центре сохранился небольшой фрагмент перекладки. У пряжек подобной конструкции отсутствует язычок. В начале III в. н.э. в римской армии распространяется новый тип поясной застежки. Взамен использовавшейся до этого традиционной пряжки с подвижным язычком появляется пряжка, конструкция которой представляет собой простую рамку, которая имела чаще всего прямоугольную или круглую форму. У прямоугольных рамок иногда имелась центральная перекладка, как у херсонесского образца. Ремень с двух сторон охватывал пряжку и закреплялся двумя кнопками через сделанные в коже прорезы. Пряжка рамочной конструкции не заменяет полностью пряжку с подвижным язычком, но приобретает, судя по известным памятникам, серьезное значение в военном костюме [9, S. 222, 223; 28, S. 180; 6, p. 152, 153]. Новый способ застегивания ремня фиксируется на протяжении III в. археологическими памятниками [9, S. 167, 168, Abb. 2; 12, p. 260, 261, fig. 21] и скульптурой [29, p. 602, fig. 7-10; 30, pl. 1-4].

8. *Поясная накладка сложной формы с петлей в форме пельты* (рис. 2,8) [4, с. 65, рис. 11, 1]. Была найдена в районе терм в 1991 г. Такие накладки, очевидно, крепились к поясу вертикально так, чтобы петля выступала за край ремня. Петля, таким образом, была функциональным элементом, предназначенным для крепления к поясу каких-то дополнительных ремней. Накладка имеет фигурный корпус, увенчанный выступом. Петля в нижней части накладки имеет форму несколько упрощенной пельты. Аналогичную форму имеет накладка II в. с петлей из форта Волубилис (Марокко) [31, p. 81, pl. 11, 100]. От херсонесской накладки последнюю отличают лишь вырез в корпусе и более грубое исполнение. Считается, что подобного вида накладки стилистически близки хорошо сохранившемуся поясу из могилы 10 некрополя Нейбург на Дунае [9, S. 132-136, Abb. 1a], которая датируется второй половиной II в.

9. *Поясная накладка с ажурным вырезом и петлей в форме пельты* (рис. 2,9) (Инв. № 15995). Происходит из раскопок казарм в 1927 г. Фигурный корпус накладки имеет в середине ажурный вырез. В верхней части накладку украшает поперечный выступ. Петля, находящаяся в нижней части предмета, отделена от корпуса стилизованной лентой. К поясу накладку крепили с помощью двух заклепок. Две очень похожие накладки были обнаружены на левом берегу Дуная, недалеко от границы с Дакией [32, Pl. 1, 11; 3, 27]. Л. Петкулеску указывает на находки еще пяти аналогичных накладок на территории Дакии и одну находку из Нижней Мезии [32, p. 896]. Еще одна накладка была найдена в римских термах в Истрии в слое второй половины – конца III в [33, p. 34, 35, pl. 25, IIA-B11]. Датируются нижнедунайские находки первой – третьей четвертью III в.

10. *Поясная накладка треугольной формы с петлей в форме пельты* (рис. 2,10) [4, с. 65, 66, рис. 11, 5]. Найдена в 1962 г. в помещении казарм.

Изделие имеет треугольный непрорезной корпус, сужающийся к переходу в петлю. Накладку отделяют от петли два широких поперечных валика. Петля имеет такую же форму, как и у предыдущих двух изделий. Пельтавидная петля является обычным элементом римских поясных деталей (рис. 5). Достаточно вспомнить функционально близкую группу предметов из Реции и Верхней Германии с петлей аналогичной формы [9, S. 200, Nr. 862-864, 889; 19, S. 124, Taf. 47, C418; 54, C574]. Накладки с похожей петлей встречаются также в Паннонии [34, T. XXVIII, 12, 21], Верхней Мезии [35, Tab. CLXXXVII, 1], Нижней Мезии [27, s. 63, 64, tabl. IV, 5, 6], Дакии [36, fig. 2, 15], Сирии [37, Fig. 39, 111].

Наиболее схожие накладки, с треугольным корпусом и петлей, происходят из Сармизегетызы [38, Fig. 2, 9], Букиуми [39, Taf. LXXI, 27] и Ромулы [40, p. 115, 116, Pl. I, 2] (Дакия). Треугольный корпус с внутренним вырезом имеет накладка из Потаиссы (Дакия) [8, Fig. 29, 14].

11. *Подвеска от шарнирного двусоставного наконечника пояса* (рис. 2, 11) [4, с. 69-71, рис. 14, 8]. Найдена в 1959 г. в помещении Б³ т.н. «дома командира». Под петлей изделия расположена прямоугольная площадка, украшенная поперечными гравированными полосами. От площадки узкий корпус постепенно расширяется к торцу. Край подвески украшен прорезной «почковидной» фигурой.

12. *Подвеска от шарнирного двусоставного наконечника пояса* (рис. 2, 12) (Инв. № 303/35336). Найдена в 1927 г. на территории казарм. Аналогична по форме предыдущей подвеске, но сохранилась хуже. Состоит из двух фрагментов, не соединяющихся между собой. Можно провести параллели между двумя херсонесскими подвесками и наконечниками с территории империи, известными по публикациям. Прямоугольные площадки-выступы, украшенные поперечными гравированными полосами, имеются на подвесках из Карнунтума (Паннония) [28, Abb. 10, 15] и Регенсбурга (Реция) [41, Abb. 14, A16, A17]. Почковидные внутренние вырезы есть на экземплярах из Карнунтума [28, Abb. 10, 12] и Дура-Европос [37, Fig. 39, 138, 141].

По мнению Т. Фишера, бронзовые шарнирные наконечники имеют безусловную связь с конструктивно аналогичными серебряными шарнирными наконечниками от офицерских поясов. К сожалению, бронзовые наконечники пока не найдены в составе поясных наборов, но, по аналогии с серебряными экземплярами, можно предположить, что бронзовые наконечники были составной частью солдатских поясов с пряжкой-рамкой, распространившихся в римской армии в III в. [28, S. 185].

13. *Фрагмент поясной накладки (?)* (рис. 2, 13) (Инв. № 58/35331). Предмет найден в районе казарм гарнизона в 1927 г. Сохранился сегмент круглой ажурной накладки. В центральной части, по-видимому, располагалась геометрическая фигура, возможно, свастика – популярный мотив среди римских армейских бронз. Накладка крепилась к основе с помощью литых штифтов, один

из которых сохранился. Круглые накладки и фалеры, несущие в центре прорезной ажурный орнамент, были широко распространены. Близкие по форме находки происходят из Дура-Европос [37, fig. 36,26]. Предметы, выполненные в подобном стиле, датируются концом II – III вв.

14. *Поясная накладка каплевидной формы* (рис. 2, 14) (Инв. № 150/35336). Обнаружена в районе казарм при раскопках 1927 г. Накладка несет на оборотной стороне два литых штифта, крепивших ее к поясу. Лицевая поверхность повреждена окислами. Накладки аналогичной формы известны в области Нижнегерманского лимеса [42, Pl. 80, 191.2, 229.10].

15. *Фрагмент фибулы типа IV 67/68, по О. Альмгрену* (рис. 3, 15) (Инв. № 29469). Найден на территории казарм в 1928 г. Из-за фрагментированности нельзя более точно определить принадлежность фрагмента к какому-либо из вариантов фибул 67/68 типа, по О. Альмгрену [43, S. 34 ff., Taf. IV, 68, 69], различавшихся оформлением ножки. Ясно только, что фибула принадлежала к данной группе, известной также как тип 13, по Э. Эттлингер [44, S. 61-63, Taf. 18], тип 9, по Е. Генчевой [45, с. 27-33], тип 9, по Д. Бойовичу [46, Kat. broj. 40-94], тип 8, по С. Кочишу [47, p. 45, 46], группа 10, подгруппа 1, вариант 1, по А.К. Амброзу [48, с. 36, табл. 7,2-4].

Основной зоной распространения сильно профилированных фибул нужно считать Норик и Паннонию [49, S. 106, Abb. 108,7; 44, S. 61]. Также много этих фибул в Реции [44, S. 61-63, Taf. 18], Верхней Мезии [46, Kat. broj. 40-94], Нижней Мезии [45, с. 27-33], Дакии [47, p. 45-70, Nr. 62-590]. Встречаются они и в восточноевропейском барбарикуме [50, с. 213, карта 3]. В небольшом количестве сильнопрофилированные фибулы встречаются в Галлии [51, pl. 89, 1186-1189] и Британии [52, p. 59, 60, Nr. 39-42].

Датировку херсонесского экземпляра нет возможности сузить за счет определения принадлежности к какому-либо варианту. Скорее всего, они относились к более ранним образцам. Появившись вскоре после 15 г. до н.э. [53, S. 142], фибулы с подобной спинкой доживают до первой половины II в. н.э.

16. *Фибула с расширяющимся корпусом, опорной пластиной на головке, поперечным гребнем у основания спинки и кнопкой на конце ножки* (рис. 3, 16) (Инв. № 28814). Была обнаружена в 1928 г. при раскопках казарм. Такие фибулы известны как вариант 8a13, по С. Кочишу [47, p. 60, 61, Pl. XXII, 322-332] и вариант 10b, по В. Йобсту [54, S. 56, 57, Taf. 14, 90-95].

Фибулы, в точности соответствующие рассматриваемому варианту, достаточно редки на территории империи. Шесть экземпляров таких изделий происходят из Лауриака (Норик) [54, S. 56, 57, Taf. 14, 90-95], один экземпляр был найден в Августа Раурика (Реция) [55, S. 80, Taf. 11, 278]. Наибольшее число фибул подобного варианта было найдено на территории провинции Верхняя Дакия – одиннадцать экземпляров. С. Кочиш разделил эти находки

на два подварианта – орнаментированные и неорнаментированные [47, р. 60, 61]. К последнему из них (8a13b) [47, р.61, Pl.XXII,326-332] можно отнести херсонесскую находку. Несмотря на концентрацию находок в Верхней Дакии, сейчас нет возможности говорить о конкретном месте производства таких фибул, так как внутри данной провинции находки равномерно рассеяны по большой территории [47, р. 61].

На территории Дакии данные фибулы встречаются в слоях первых трех четвертей II в. [47, р. 61]. Такая датировка дакийских экземпляров удревняет дату рубежа II – III вв., предложенную В. Йобстом на материалах Лауриака [54, S. 56, 57].

Следует отметить относительную концентрацию фибул данного варианта в Северном Причерноморье. С учетом херсонесского изделия, сейчас известно четыре экземпляра из этого региона. Такие фибулы были найдены в Тире [56, с. 71, 72, рис. 1,4], в некрополе Неаполя Скифского [48, с. 38, таб. 7,12] и в некрополе Заветное [57, с. 127, рис. 1,5].

17. *Фрагмент коленчатой фибулы* (рис. 3,17) (Инв. № 28814). Найден в 1928 г. в том же месте, что и предыдущая фибула. Подобные фибулы были широко распространены на территории европейских провинций империи. Характерная деталь херсонесского изделия – крючок для тетивы, расположенный ниже пружины фибулы. Такая особенность конструкции находит многочисленные аналогии в прирейнских провинциях Рима [58, Taf. 6,359-383; 7,384-399]. По всей видимости, данный образец попал в Херсонес из района Рейнского лимеса.

Различные варианты коленчатых фибул интерпретируются исследователями как «солдатские» застежки из-за обилия находок в приграничных регионах Римской империи [55, S. 85; 49, S. 104, Abb. 113,2; 45, с. 46, 47]. Например, в Болгарии масса коленчатых фибул была найдена на севере страны, на территории Нижней Мезии, в то время как на юге, на территории Фракии – только два экземпляра [45, с. 47]. Появляются коленчатые фибулы в первой половине II в., самое позднее – во времена Адриана (117-138 гг.) и Антонина Пия (138-161 гг.) [58, S. 19; 49, S. 104]. Пик их использования приходится на вторую половину II и начало III вв. [55, S. 85]. Отдельные экземпляры могут доживать до конца III – начала IV вв. [54, S. 66; 55, S. 85; 41, S. 199, 200, Abb. 13,A2]. Для дакийских материалов С. Кочиш недавно установил более узкие рамки употребления коленчатых фибул с небольшим полукруглым диском. Появление фибул он связывает со временем Траяна (97-117 гг.), а выход из употребления датирует третьей четвертью II в. [47, р. 90, tab. 2].

Учитывая почти полное отсутствие коленчатых фибул в местной крымской среде, можно с высокой долей вероятности связать появление экземпляра, найденного в «цитадели», с солдатами римской армии.

18. *Фибула в форме свастики с окончаниями в виде лошадиных голов* (рис. 3, 18) [59, с. 89, рис. 32,2]. Относится к типу 232, по О. Альмгрену [43, Taf. X, 232]. Найдена в 1962 г. в помещении казарм римского гарнизона.

Этот оригинальный тип фибул представляет собой компактную и стилистически единую группу изделий. Известные находки двадцати трех таких фибул были собраны М. Буора [60, р. 107]. К ним следует добавить недавно опубликованные экземпляры из Крешно (Нижняя Мезия) [45, с. 75, таб. XXVIII, 3], из Поролиссума, Урлуени, Мичиа, два из Потаиссы (все – Дакия) [47, р. 212, pl. CXV, 1632-1636], а также херсонесский экземпляр. Зона распространения этой группы фибул включает Дакию, Мезию, Дарданию, Паннонию, Восточный Норик. Одна фибула найдена в Верхней Германии [58, Taf. 27, 1058], две в Северной Италии [60, р. 105, fig. 1]. В центре этой зоны находится античная *Burganae* (Новы Бановичи), где были найдены сразу восемь экземпляров этих изделий. Здесь, по предположению М. Буора, могло находиться место их производства [60, р. 106].

Места находок фибул-свастик с декором из лошадиных голов расположены в основном вдоль римской границы. Большинство из этих пунктов являлись римскими военными лагерями. Вероятнее всего, эти фибулы были как-то связаны с римскими войсками [60, р. 107; 47, р. 136], и находка экземпляра в херсонесской цитадели не противоречит такому предположению.

К сожалению, фибулы данного вида, найденные на территории империи, предоставляют мало надежных оснований для датировки. В некоторых случаях они встречаются вместе с материалами III-IV и даже VI-VII вв. [61, с. 157, сл. 1-5; 60, р. 107]. Общей датой для них принято считать III-IV вв. [60, р. 105-107; 45, с. 75]. На территории Дакии данные фибулы были найдены в слоях от третьего десятилетия II в. до конца правления Александра Севера (235 г.) [47, р. 136].

19. *Фибула в форме отраженной зеркально буквы S* (рис. 3, 19) (Инв. № 171/36502). Найдена в 1960 г. в помещении римских казарм.

Фибулы в форме латинской S не редкость среди провинциально-римских материалов. Иногда фибулы имеют простую форму, без украшений [62, Pl. XVI, 126]. Часто застежки состоят из двух симметричных S-образных элементов. На некоторых экземплярах хорошо видно, что эти элементы представляют собой две соединенные духовые трубы [47, Pl. CX, 1549]. Иногда концы изделий украшены звериными головками [63, S. 163-166, Taf. 17] или растительным орнаментом [62, р. 63, Pl. XVI, 128-130; 45, таб. XXVII, 11]. Херсонесская фибула, при известном своеобразии деталей оформления, обладает еще одной редкой особенностью: форма буквы S воспроизведена в зеркальном отражении. Вряд ли это можно считать ошибкой мастера, скорее, мы имеем дело с особой разновидностью таких фибул. Ближайшими аналогиями можно назвать экземпляры в зеркально отраженной форме:

два из Дура-Европос (Сирия) [62, Pl. XVI, 126, 136], два из Букиуми (Дакия) [47, p. 127, Pl. CIX, 1546; CX, 1547].

География находок S-образных фибул свидетельствует о том, что они встречаются в основном в римском пограничье в прирейнских [58, S. 44, 45, Taf. 30, 1169-1177], придунайских [64, Taf. XVIII, 8; 54, S. 122, Taf. 48, 348; 46, s. 66, T. XXX, 289; 45, s. 74, таб. XXVII, 11; 47, p. 127, Pl. CIX, 1546; CX, 1547, 1549] провинциях и восточной части империи [62, p. 63, 64, Pl. XVI, 126-136]. Для внутренней части империи они не характерны.

Узкие датировки прорезных фибул-брошей, к которым относится и данный тип фибул, указывают на их производство в конце II – первой трети III вв. [47, p. 128]. В Дура-Европос была найдена целая серия из одиннадцати S-образных фибул [62, p. 63, 64, Pl. XVI, 126-136]. Такое большое количество говорит о том, что большинство из них попало в культурный слой в момент гибели крепости. Это может означать, что активное употребление этих фибул следует продлить вплоть до середины III в.

20. *T-образная фибула типа 2, по Э. Келлеру / Ф.М. Прёттелю, с отделкой ножки в виде стилизованных двойных волют (рис. 3, 20) (Инв. № 26/37156). Обнаружена при раскопках И.А. Антоновой в 1988 г.*

Главные признаки данного типа фибул следующие: поперечная шарнирная перекадина имеет шестиугольное сечение и несет на лицевой стороне насадку, занимающую всю длину. Кнопки фибул в большинстве случаев граненые. Ножка, как правило, короче, чем дуга спинки. Ножка обладает прямоугольным или трапецевидным контуром. В последнем случае край ножки всегда более узкий [65, S. 353].

Хронология существования группы разработана Э. Келлером. Проанализировав 10 датированных монетами погребений из Нижней Германии, Реции и Паннонии, исследователь установил время существования типа в пределах 310-350 гг. [66, S. 35, 36].

Ф.М. Прёттель, вновь рассмотрев находки из погребений, а также золотые «императорские» фибулы с надписями, установил, что все выделенные Э. Келлером варианты остаются формальным признаком для деления фибул внутри 2 типа. Они существуют одновременно и, следовательно, не имеют хронологического значения [65, S. 354]. Он предложил несколько удревнить время существования типа и датировать все известные варианты временем ок. 300 – ок. 340 гг. [6, S. 357].

Все описанные фибулы относятся к специфическим типам продукции римских мастерских. Данные изделия находят в основном вдоль границ империи. Это свидетельствует об употреблении этих вещей, прежде всего, в солдатской среде. Хотя находки фибул не принято напрямую связывать с военным костюмом, обнаружение рассмотренных фибул в месте дислокации

римского гарнизона в Херсонесе делает принадлежность этих изделий к военнослужащим весьма вероятной.

В предположительной форме можно связать со свидетельствами пребывания римлян еще одну находку из «цитадели». Это фрагмент ярлыка из кости.

21. Тессера (ярлык для кошелька) (?) (рис. 3,21) (Инв. № 108/35337). Найдена в 1927 г. в пределах римских казарм. Имеет форму вытянутой узкой пластины. Один конец пластины отломан. Второй оформлен как полукруглое окончание, подчеркнутое двумя подрезами. В центре полукруга просверлено отверстие.

Находки аналогичных предметов известны в римских крепостях европейской части империи во II-III вв. (рис. 6) [39, Taf. CXXVI,2; 9, Taf. 10,23,24; 67, p. 38, fig. 17,136,137; 5, S. 350-351, Abb. 9,9-12; 68, p. 37, No. 2,17].

На мысль об интерпретации данных предметов в качестве тессер наталкивает очевидная схожесть формы с изделиями более раннего времени. В период с 96 г. до н.э. до 88 г. н.э. известны находки костяных тессер, снабженных надписями. В них указывались имя частного лица, имя чиновника, занимавшего должность *pumularius* и дата. Тессеры служили своеобразными ярлыками на запечатанных кошельках с определенной суммой денег [69, S. 246-248, Taf. 59,1-8; 60,1-4]. После конца I в н.э. исчезает практика нанесения процарапанных надписей. В памятниках II-III вв. находят предметы похожей формы, что может указывать на схожую функцию. Однако в оформлении предметов есть и различия. Поздние костяные изделия становятся тонкими, в отличие от ранних тессер, на которые надписи могли наноситься со всех четырех сторон. Исчезает сквозной канал, просверливавшийся в боковой плоскости ранних тессер. Вместо него у некоторых поздних изделий, как и у херсонесского экземпляра, имеется сквозное отверстие в лицевой стороне. Все эти отличия не позволяют пока однозначно интерпретировать в качестве тессер костяные пластины данной формы из римских военных лагерей. Тем не менее, использование этих предметов в качестве ярлыков для кошельков или мешков вполне возможно.

Обнаружение всех рассмотренных деталей на территории памятника является весомым аргументом в пользу вывода о дислокации здесь римского гарнизона. Такую концентрацию находок можно считать довольно значительной. В пределах Северного Причерноморья коллекция из «цитадели» является пока крупнейшей из всех собраний римских военных древностей, происходящих из мест дислокаций гарнизонов. Вероятно, список находок был еще большим. Часть предметов, происходящих из раскопок в «цитадели» К.К. Косцюшко-Валюжинича и Р.Х. Лепера, сейчас находится среди беспаспортных материалов.

Набор предметов военного снаряжения и экипировки характеризует материальную культуру римского гарнизона. Она демонстрирует сходство с культурой многочисленных римских крепостей, расположенных вдоль границ империи. В сложившемся виде эта культура попала в Херсонес вместе с солдатами и офицерами римского гарнизона. Вместе с тем, военное снаряжение гарнизона Херсонеса контрастирует с оружием и экипировкой синхронного времени, хорошо известным на других памятниках Крыма.

Анализ хронологического распределения находок показывает картину преобладания изделий II и III вв. Этот факт не вызывает удивления. Именно к этому времени относится большинство свидетельств пребывания римских войск в Херсонесе. Во второй половине II и первой половине III вв. римское присутствие здесь было наиболее масштабным.

Обращают на себя внимание два предмета, относящиеся к I в. Их обнаружение можно связывать с первым появлением римских войск еще в годы правления Нерона. находка ножен римского кинжала на территории «цитадели» может свидетельствовать о том, что именно этот район Херсонеса мог использоваться для более или менее долговременной расквартировки здесь римских военнотружущих еще в I в.

Две находки относятся к IV в. Хотя присутствие такого количества поздних находок римского воинского костюма не позволяет сделать категоричный вывод о дислокации здесь римского гарнизона в IV в., все же наличие таких деталей не делает подобный вывод невозможным.

Распределение находок по исследованному пространству «цитадели» демонстрирует противоречивую картину (рис. 7). находки концентрируются в основном на территории казарм, исследованных в 20-е и 60-е гг. XX в. Более поздние раскопки других зданий гарнизона принесли гораздо меньшее количество предметов военного снаряжения. Это вряд ли следует считать случайностью. Такая ситуация ставит, на мой взгляд, прежде всего, не вопрос о том, почему находок так много в казармах, а вопрос о том, почему их так мало на остальной территории. Возможным объяснением является то, что при раскопках в 80-90-е гг. недостаточное внимание уделялось фиксации индивидуальных находок. Насколько реалистична нынешняя картина распределения рассматриваемых предметов по территории «цитадели», прояснят новые раскопки на ее территории. При дальнейших исследованиях места расположения римского гарнизона в Херсонесе следует обращать более пристальное внимание на такой информативный источник, как предметы военного снаряжения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдукевич В.Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. 1953. №34
2. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Основные этапы археологического изучения памятников на территории цитадели Херсонеса Таврического // БИ. 2008. Вып. XIX.
3. Зубарь В.М., Антонова И.А. Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса // РА. 2001. №2.
4. Костромичев Д.А. Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1.
5. Carnap-Bornheim C. Die beinernen Gegenstände aus Kastell und Vicus in Niederbieber // Bonner Jahrbücher. 1994. Bd. 194.
6. Bishop M.C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of the Rome. London, 1992.
7. Biró M.T. Bone-Carvings from Brigetio in the Collection of the Hungarian National Museum // ААН. 1987. Т.39.
8. Bărbulescu M. Das Legionslager von Potaissa (Turda) // Führer zu archäologischen Denkmälern in Dacia Porolissensis. Zalău, 1997. Nr. 7.
9. Oldenstein J. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat an der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römische-Germanischen Kommission. 1977. Bd. 57.
10. Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А. Бутероль из Тиры // СА. 1989. №2.
11. Сон Н.О., Назаров В.В. Знахідки римської зброї в Тірі // Археологія. 1993. №1.
12. Connolly P. Greece and Rome at War. London, 1981.
13. Thomas E.B. Helme. Schilde. Dolche. Budapest, 1971.
14. Manning W.H., Price J., Webster J. The Roman Small Finds. Report on the Excavations at Usk. Cardiff, 1995.
15. Obmann J. Studien zu römischen Dolchscheiden des 1. Jahrhunderts n.Chr. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung // Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. 2000. Bd. 4.
16. Scott I.R. First Century Military Daggers and the Manufacture and Supply of Weapons for the Roman Army // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. 1985. BAR International Series 275.
17. Petculescu L. Roman military equipment in the Dacian hill-fort at Ocnița // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994. S. 61-77.
18. Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
19. Gschwind M. Abusina. Das römische auxiliarkastell Eining an der Donau vom 1. bis 5. Jahrhundert n. Chr. 2004.
20. Stephenson I.P. Roman Infantry Equipment. The Later Empire. Stroud, 1999.
21. Bullinger M. Spätantike Gürtelbeschläge. Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung. Brugge, 1960.
22. Böhme H.W. Bemerkungen zum spätrömischen Militärstil // Zum Problem der Deutung frühmittelalter Bildinhalte. Sigmaringen, 1986.
23. Fernandez J.A. Late Roman Belts in Hispania // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1999. Vol. 10.
24. Madyda-Legudko R. Importe von metallenen Gürtelteilen des römischen Heeres im Mitteleuropäischen Barbaricum // Archeologia. 1991. XLII.
25. Unz C., Deschler-Erb E. Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976 // Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa. Brugg., 1997. Bd. 14.

26. Raddatz K. Germanische und römische Schnallen der Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. 1956. Bd. 15.
27. Genčeva E. Metalowe części wyposażenia żołnierskiego z *Novae* // *Novensia*. 2000. 12.
28. Fischer T. Römische Offizierausrüstung im 3. Jahrhundert n. Chr. // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1988. Bd. 53.
29. Szirmai K. Military equipment depicted in Aquincum after the Marcomanic wars // *I bronzi antichi: Produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Montagnac, 2002.
30. Coulston J.C. Roman Military Equipment on Third Century Tombstones // *Roman Military Equipment: the Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar*. BAR International Series, 1987.
31. Boube-Piccot C. Les bronzes antiques du Maroc. IV. L'équipement militaire et l'armement. Paris, 1994.
32. Petculescu L. Roman military equipment in barbaricum in the proximity of the Dacian limes / / *Roman Frontier Studies. Proceeding of the XVIIth International Congress of Roman Frontier Studies*. Zalău, 1999.
33. Suceveanu A. Les thermes romains // *Histria*. 1982. VI.
34. Curk I.M. Poetovio I. Ljubljana, 1976.
35. Зотови' Љ., Јордови' Ч. Viminiacium. Некропола «Више гробаља». Београд, 1990.
36. Dawson M. A Review of the Equipment of the Roman Army of Dacia // *Roman Military Equipment: the Sources of Evidence. Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference*. BAR International Series, 1989.
37. James S. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and other Military Equipment. London, 2004.
38. Dawson M. Roman military equipment on civil sites in Roman Dacia // *JRMES*. 1990. 1.
39. Das Römerlager von Buciumi. Beiträge zur Untersuchung des Limes der Dacia Porolissensis. Cluj, 1972.
40. Petculescu L. Military equipment graves in Roman Dacia // *JRMES*. 1995. 6.
41. Reuter S. Ein Zerstörungshorizont der Jahre um 280 n. Chr. In der *Retentura* des Legionslagers *Reginum/Regensburg* // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. 2005. Jahrgang 70.
42. Nicolay J. Gewapende Bataven. Gebruik en betekenis van wapen- en paardentuig uit niet-militaire contexten in de Rijndelta (50 voor tot 450 na Chr.). Amsterdam, 2005
43. Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung und der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Stockholm, 1897.
44. Ettliger E. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern, 1973.
45. Генчева Е. Римските фибули от България от края на I в. пр. н. е. до края на VI в. на н. е. Велико Търново, 2004.
46. Vojović D. Rimske fibule Singidunuma. Boegrad, 1983.
47. Cociş S. The Brooches from Roman Dacia. Cluj-Napoca, 2004.
48. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
49. Fibel und Fibeltracht // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Berlin, New York, 2000.
50. Мончинська М. Проблема картографирования типов фибул римского времени // *БИ*. 2007. Вып. XVI.
51. Feugere M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-S. // *Revue Archéologique de Narbonnaise*. 1985. Supplément 12.
52. Bayley J., Butcher S. Roman Brooches in Britain. A Technological and Typological Study based on the Richborough Collection. London, 2004.
53. Demetz S. Almgren Gruppe IV, Fig.65-67: Zum Beginn der kräftig profilierten Fibeln // *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Wünsdorf*, 1998. Bd. 5.

54. Jobst W. Die römischen Fibeln aus Lauriacum // Forschungen in Lauriacum. Linz, 1975. Bd. 10.
55. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst // Forschungen in Augst. Bd. 3. Augst, 1979.
56. Гороховський Є.Л., Сон Н.О. Фібули з Тіри // Археологія. 1989. № 3.
57. Масыкин В.В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
58. Böhme A. Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. 1972. Bd. 29.
59. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994.
60. Vuora M. Note on the diffusion of swastika fibulae with horse-head decorations in the Late Roman Period // Arheološki Vestnik. Ljubljana, 1992. 43.
61. Трбуховић Л. Неки налази из Подунавља у касноантичкој збирци народног музеја // Зборник Народног музеја. 1988. XIII/1.
62. Frisch T.G., Toll N.P. Pierced Bronzes, Enameled Bronzes, and Fibulae // The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report IV. Part IV. Fasc.1. New Haven, 1949.
63. Matouschek J., Nowak H. Unpublizierte Tierfibeln und Fibeln mit theriomorphen gestaltungselementen aus österreichischen Privatsammlungen mit den Nachträgen: Pferde- und Reiterfibeln, Hasen- und Hundefibeln und deren Kombinationen // Römisches Österreich. 1985-1986. Jahrgang 13/14.
64. Patek E. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen in Pannonien // Dissertationes Pannonicae. Budapest, 1942. Ser.II. Nr.19.
65. Pröttel P.M. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1988. Jahr.35. Teil 1.
66. Keller E. Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern. München, 1971.
67. Biró M.T. Gorsium Bone Carvings // Alba Regia. 1987. XXIII.
68. Alasson-Jones L., Miket R. The Catalogue of Small Finds from South Shields Roman Fort. Newcastle, 1994.
69. Gostenčnik K. Die Beifunde vom Magdalensberg. Klagenfurt, 2005.

Kostromichev D. A.

**Details of Weapon and Military Costume
from the «Citadel» of Chersonesos**

Summary

In the article, the finds of objects of Roman military equipment from the place of location of a garrison in Chersonesos Taurican are generalized. Many finds are published for the first time. Four items are details of armament. Ten items are fragment of belt fitting. Six Roman fibulas from Chersonesos «citadel» can be considered as those belonging to soldiers of the garrisons. Chronologically the finds are classified in the following way: two items are dated back to the 1st century AD, seventeen items – to the 2nd – 3rd centuries AD, and two items – to the 4th century AD. All the things have analogies among the materials from border provisions of the Roman Empire. These things appeared on the territory of the monument together with the soldiers from the Roman garrison located in the South-Western part of the site of Chersonesos.

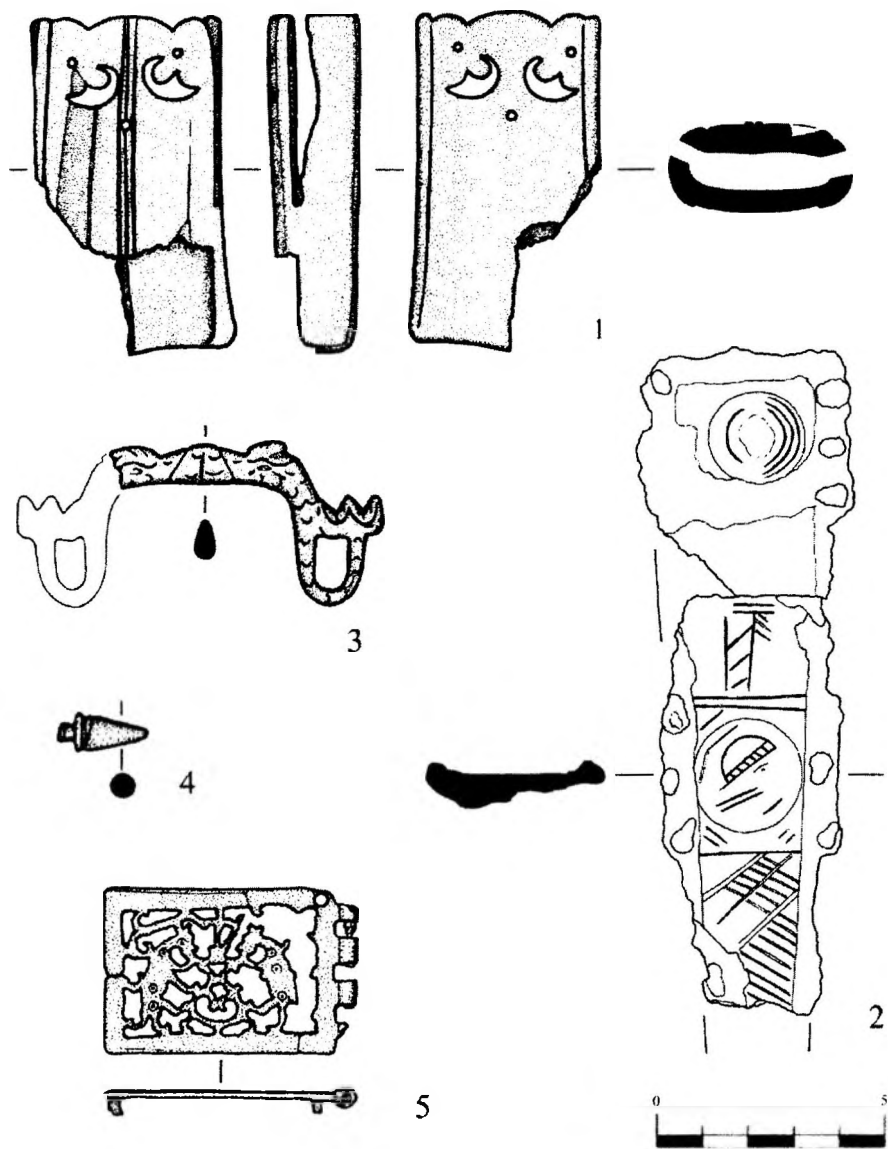

Рис. 1. Детали римского оружия и военного костюма.
1 – кость; 2 – железо; 3-5 – бронза.

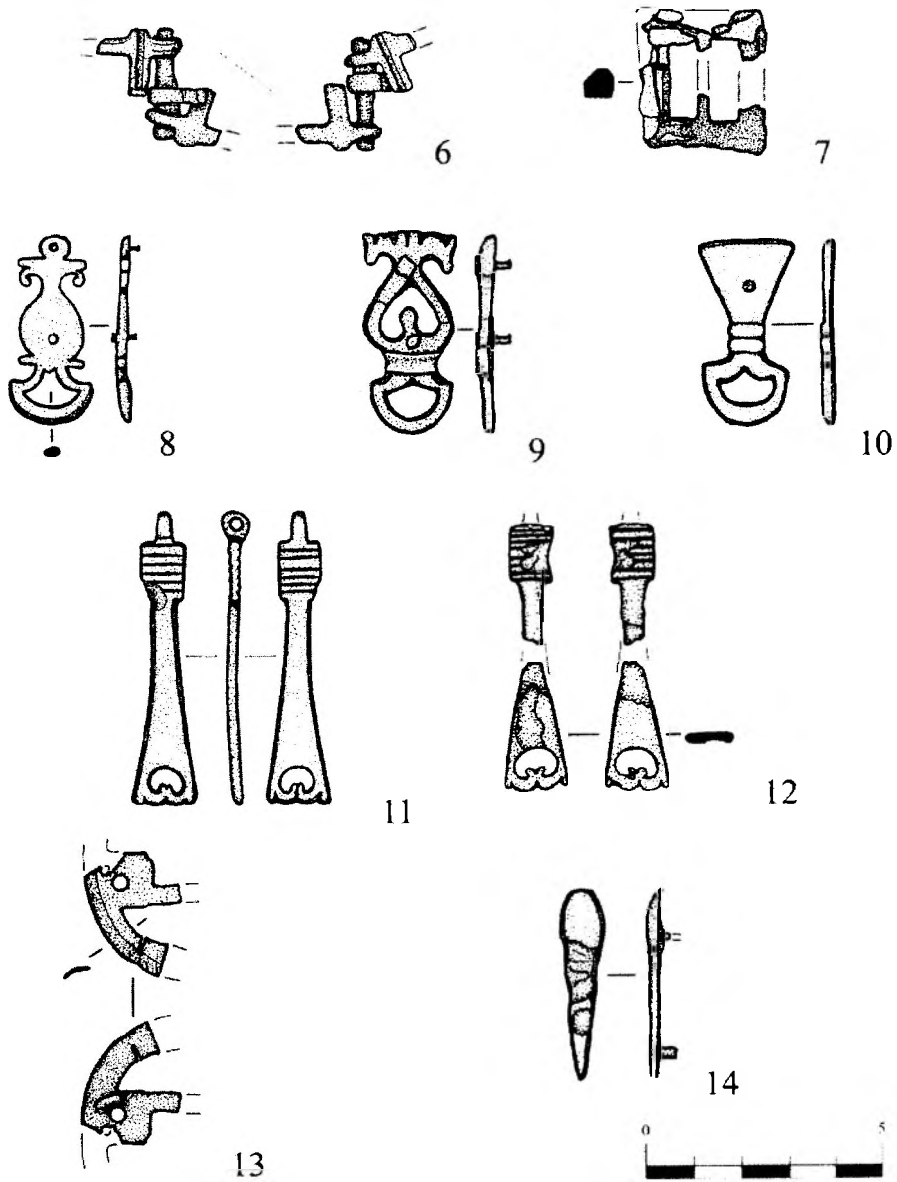

Рис. 2. Детали римских воинских поясов: пряжки и накладки.
6, 8-14 – бронза; 7 – серебро.

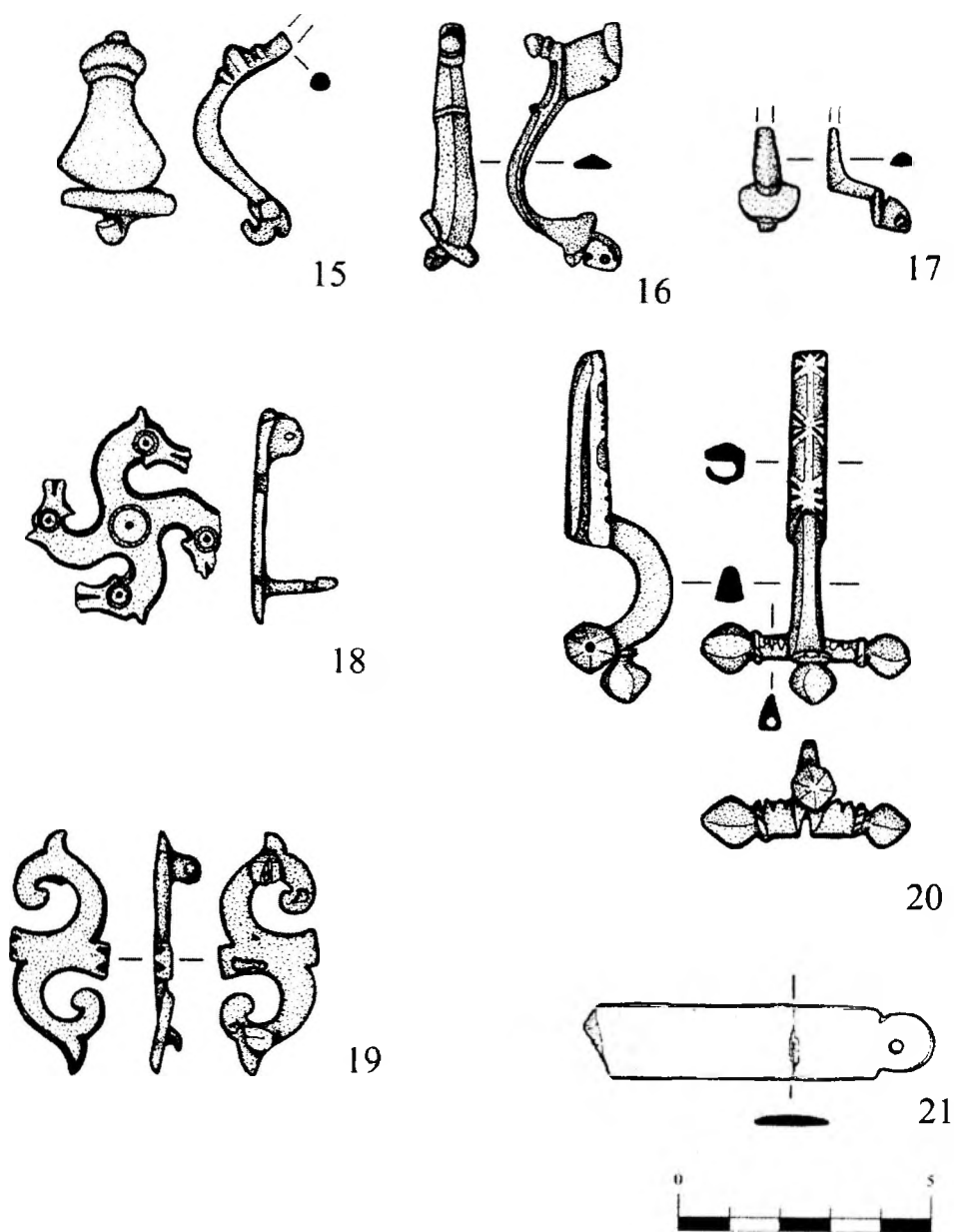

Рис. 3. Римские фибулы и тессера (?).
15-20 – бронза; 21 – кость.

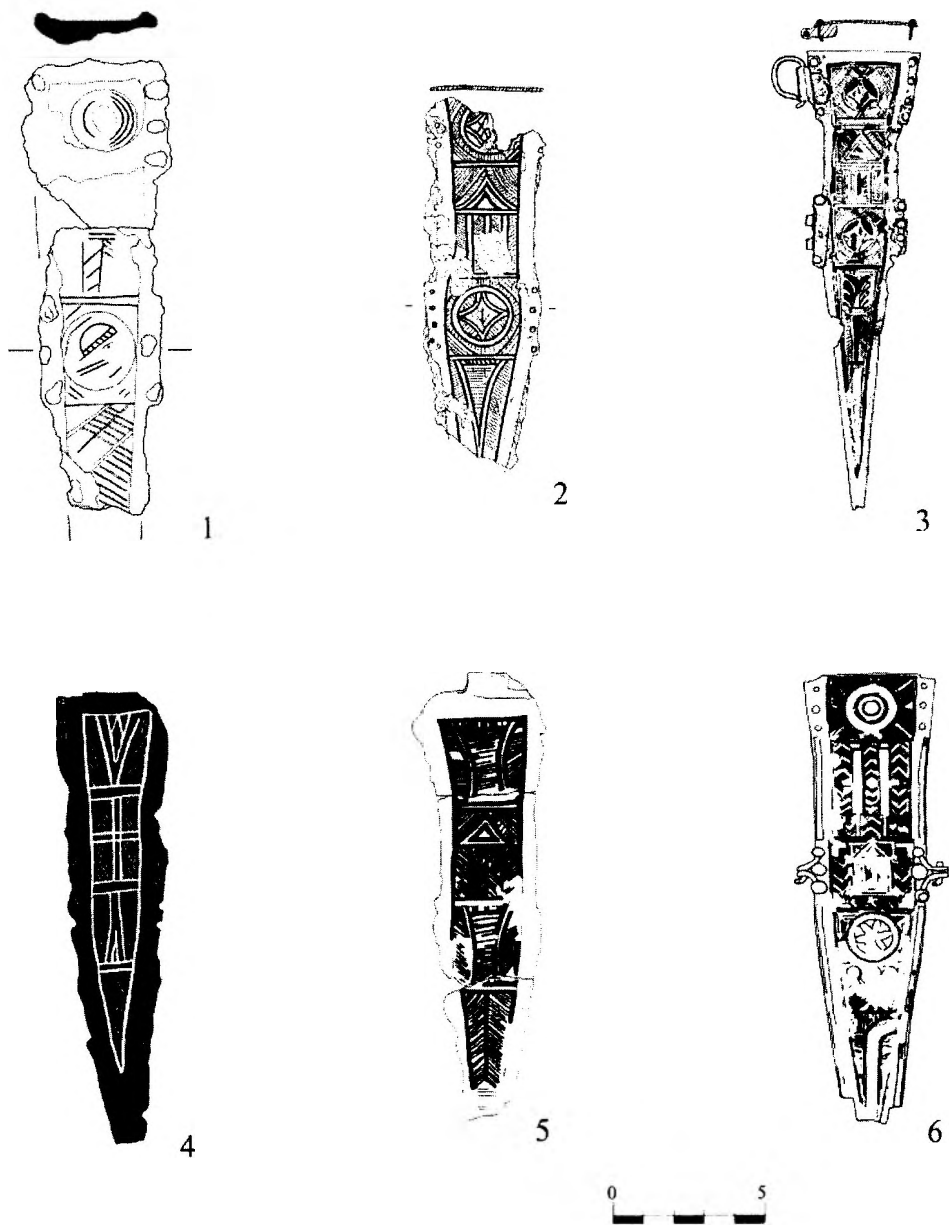

Рис. 4. Накладки на ножны римских кинжалов.

1 – Херсонес; 2, 3 – Виндоницца; 4 – Лугдор; 5 – Утрехт; 6 – Карнунт.

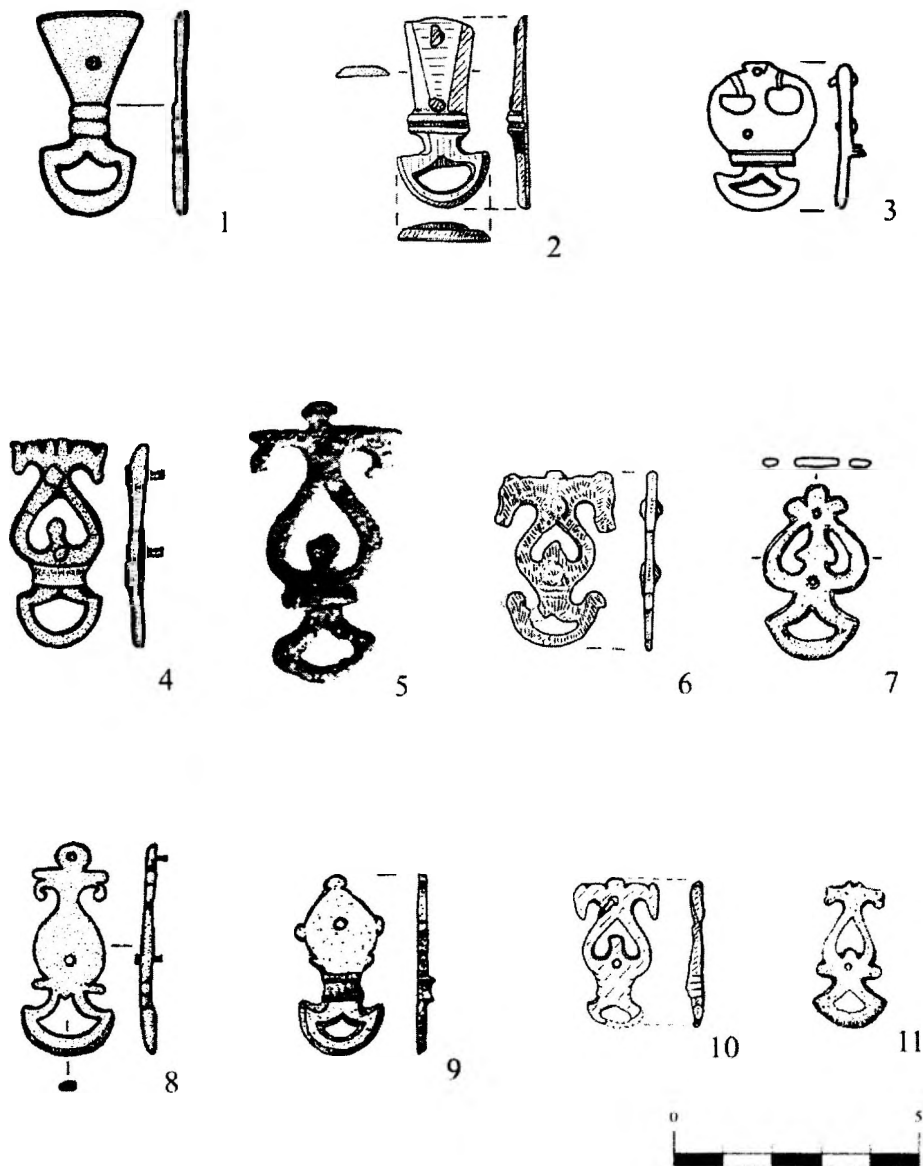

Рис. 5. Поясные накладки с петлей в форме пельты.
1, 4, 8 – Херсонес; 2 – Ромула; 3 – Нове; 5 – Истрия; 6 – Мэтэсару; 7 – Дура-Европос;
9 – Эйнинг; 10 – Пойенешти; 11 – Волубилис.

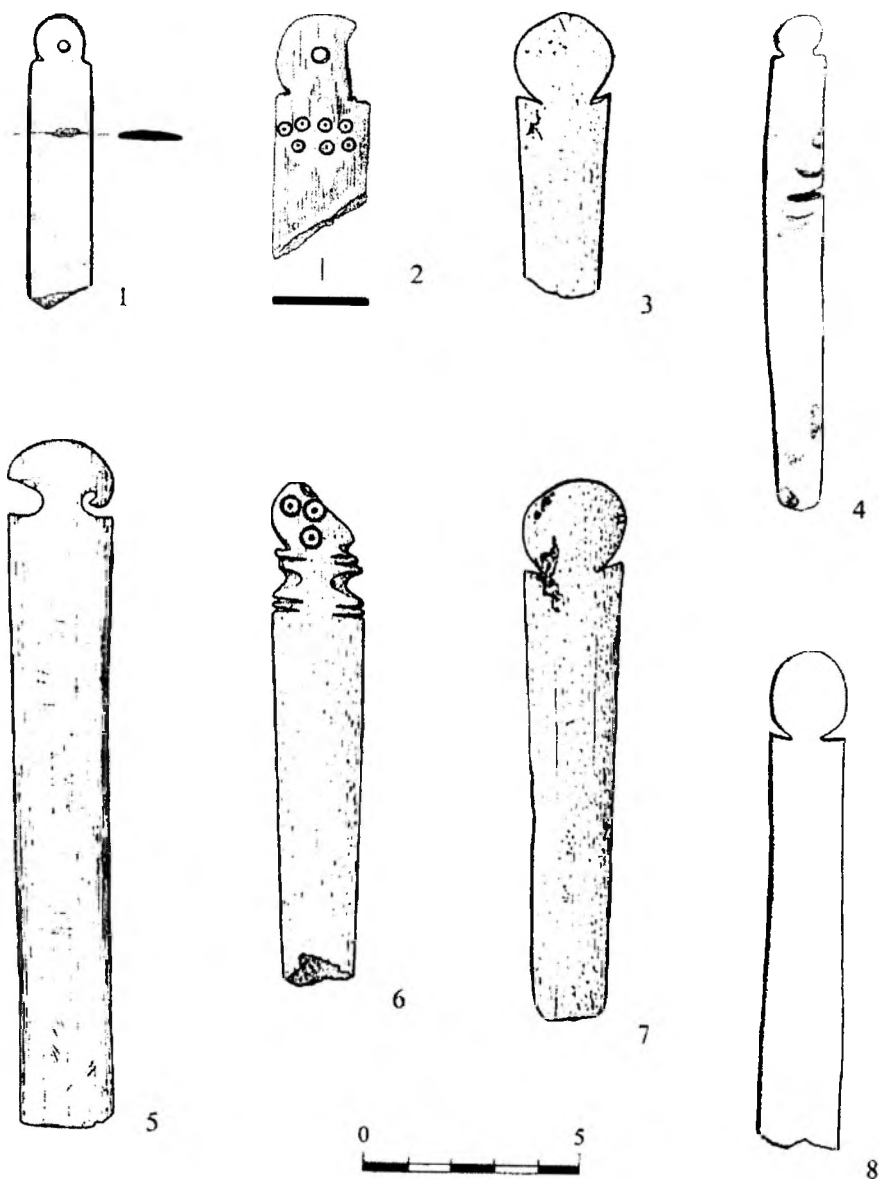

Рис. 6. Ярлыки из кости.

1 – Херсонес; 2 – Саус Шилдс; 3, 5-7 – Нидербибер; 4, 8 – Горсиум.

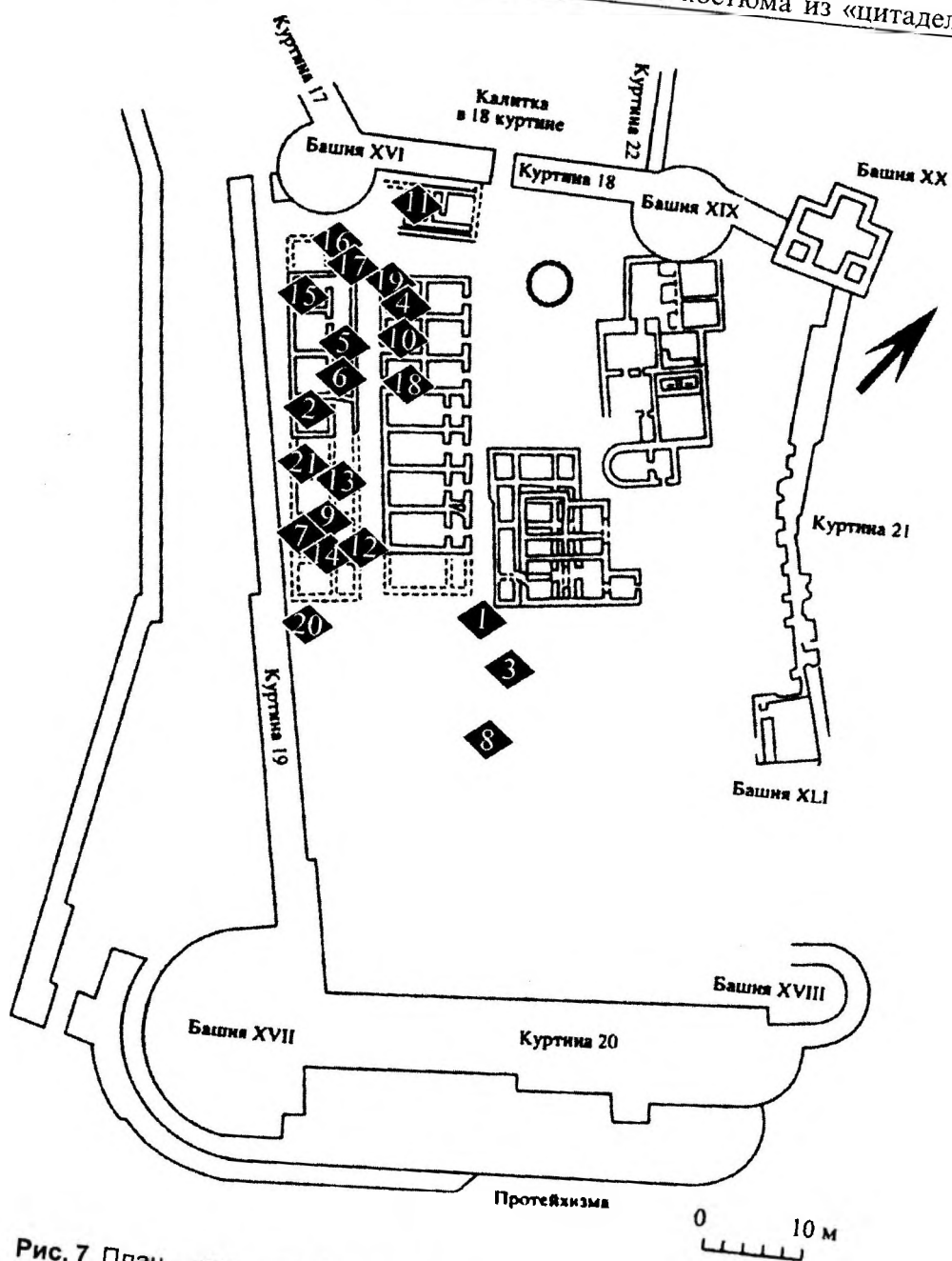

Рис. 7. План «цитадели» (по В.М. Зубарю и С.Б. Сорочану) с указанием приблизительных мест находки деталей римского оружия и военного костюма.